

ПРОРОЧЕСТВА О ДЕРЖАВЕ РОССИЙСКОЙ

Отец Иоанн Кронштадтский и внутренняя Россия

Из воспоминаний об Отце Иоанне Кронштадтском. —

Российская агиография как бы нарочито указывает на связь между Русской землей и Небом... Поднимая взор в русское умнодуховное небо, нельзя не поражаться красотой, как отдельных звезд, так и целых созвездий, ярко блистающих в нем. Звезды эти — суть святые, в земле Российской просиявшие. Божиими искорками вспыхивали эти звезды, чтобы, осиявая духовный мир человека, указывать и правильное историческое направление России, когда оно порою терялось во мгле того или иного исторического безвременья, напоминая народу и вождям его, что с Богом сочеталась Русь в святом Крещении своем и должна блюсти этот Великий Союз — до конца мира.

Ближайшей к нам на Русском небе вспыхнула звезда чудотворца всероссийского, великого батюшки, отца Иоанна Кронштадтского — доброго наставника, целителя всех недугов и великого провидца, предрекшего грозную кару России, если россияне, разрушающие великое Владимирово дело и расторгающие легкомысленно Завет с Богом, не раскаются и не вернуться на исторический путь Святой Руси, не восстановят этого Союза. Сияние этой звезды, бросающей свои яркие лучи, как на Русь Зарубежную, так и на Русь подъяремную, особенно на последнюю, является предметом нашего благоговейного наблюдения.

Если праведный отец Иоанн, живя на земле, проявлял такую заботу о судьбах России, был ярким светильником ее и целителем недугов душевных и телесных всех, к нему притекавших, то по отшествии своем в горние селения, предстоя Престолу Царя всех царствующих, в руках Которого судьбы всех царей и царств, забыл ли он свою Россию? И забыла ли его нынешняя Россия? Ответ на эти вопросы нам дадут рассказы тамошних людей или побывавших там, начиная с первых лет советского владычества в России.

Перенесемся воспоминанием к событиям, разыгравшимся в России в 1919 году.

В конце июня названного года в Орловском округе, изобиловавшем большими лесами, вдруг появился целый летучий корпус антибольшевистских сил под предводительством некоего матроса Силаева с крейсера «Алмаз». Этот вчерашний «краса и гордость революции», достигший уже чекистских вершин, вдруг переродился и стал ярым активным антикоммунистом, одно имя которого наводило страх на советские учреждения.

В летучих отрядах Силаева насчитывалось до двух десятков тысяч бойцов. В свое антибольшевистское дело он вложил весь свой революционный опыт, всю революционную выучку, и отряды его были неуловимы.

Какие грозные отдавались советской властью приказы о поимке этого «врага народа»! А когда все угрозы оказались бессильными, началась расклейка воззваний, которых особенно много было вдоль Рижско-Орловской железной дороги, с обещанием: «Если кто доставит хоть голову Силаева, тому советское правительство уплатит миллион рублей керенками или сто тысяч золотом». А мужики и рабочие читали и ухмылялись. «На, мол, вот, получай в обе руки Силаева!» Это наш подлинный народный герой.

В своих прокламациях, говоря по народному, Силаев, яснее ясного, своим мужицким, доходчивым до народного сознания языком, объяснял природу «революции», тайный ее смысл. Она, мол, явление совсем не политического характера, стремящееся ко благу народа. Нет! Революционерам для их собственных целей надо было сломать русский строй. Их политические обещания — только ширма. Революция сразу проявила себя бунтом против Бога, бунтом, который несет народу страшное рабство. Теперь видим, что вышло из этой революции. Объявили, значит, свободу; на что это похоже? Все одно, что, когда в Егорьев день первый раз выгоняют скот со двора после зимней стоянки. Рычит, крушит все на своем пути, перебодается в кровь, а потом-таки обойдется и мирно гуляет себе на пастбище, покорно ходит за своим пастухом. Так и с нами случилось. Не мил нам был пастух, небесным Хозяином поставленный, убрали этого пастуха. Вдоволь набуянили! Опомнились! Новый пастух явился. Без пастуха, значит, стадо не может обходиться. Хоть и говорят, что «это свой, народный», да уж больно у него дубина тяжела, насмерть убивает... Крушит беспощадно, не по-народному. Кормить — не кормит, а еще отбирает все, а удой хочет получить вдесятеро, Что же выходит? На что променяли мы истинное добро? В том наш великий грех, что лжеучителей принимали мы за настоящих апостолов правды, а они оказались волками в овечьей шкуре. Теперь близок локоть, да не укусишь! Своими же беззакониями мы и оказались наказаны, вот ведь какая притча. Теперь надо терпеть и творить плоды покаяния! Истинно, как читается в церкви: «Беззакония наши поднялись выше головы нашей и, как бремя тяжкое, давят нас». Умели мы грешить, должны уметь и явить покаянный подвиг! Будем творить его! Будем освобождаться от этой «свободы» и спасти свою Мать-Россию!

Живой, понятно, о живом и думает, говорил вчерашний чекист Силаев. Хочется и землицы побольше, и жить позажиточнее; только при всем этом нельзя попирать Правды Божией.

Нет-нет, да надо спросить Ее, как жить? А то и жизнь не в радость станет! А самое главное — всегда помни: «Продашь своего Бога, станешь рабом дьявола!» Дьявольское же рабство куда жесточе будет всякого крепостного рабства. Так вот, чтобы мы, русские люди, за какую-то там политику продали своего Бога! Не допусти, Господи, нас до этого! Пускай разные там «аратуры» политикой занимаются, это их хлеб, а наше русское дело — Россию спасать, потому сейчас, значит, идет вопрос: быть или не быть ей, нашей Матери. А что будем мы без нее?! А потом уже мы поглядим, на какую сторону вертеть головы этим политикам, на левую или на правую! Не думайте, что сам я, своим умом до всего этого дошел. Разбойник не обратится, не покается, если Господь не взыщет его.

Вот Он и взыскал меня через угодника Своего, праведного отца Ивана Кронштадтского, которого знала, почитай, вся наша Рассея. Особенно в Кронштадте, кто не знал этого доброго батюшку, отца Ивана? А кто и не видел лично, тот знал по рассказам его знавших. Да довольно было поглядеть на Дом Трудолюбия, выстроенный им для бедняков. Советы теперь хотят приспособить этот дом для какого-то своего учреждения.

Вот что сам Силаев рассказывает о своем обращении из ярого чекиста в самого ярого антикоммуниста.

У нас, на крейсере «Алмаз», все, почитай, были ярые революционеры. С головой

засосала нас эта революция, как засасывает неопытного путника покрытая цветами болотная трясина. Ни Бога, ни Родины — ничего для нас не было святого, кроме революции. И у всех у нас был нарисован во всю грудь сатана, татуировка такая была, которая никогда не смывалась. Сатана был для нас символом «свободы». Был и я такой. Да, видно, мать моя горячо молилась за меня Богу, и Господь спас меня через угодника Своего, праведного отца Ивана Кронштадтского, которого я с тех пор поминаю день и ночь и перед всяким делом его на помощь себе призываю. А случилось все так.

Арестовал я раз одного мужчину лет тридцати. Почему-то он мне подозрительным показался. А вся подозрительность его была в том, что я обратил внимание, как он усердно Богу молится. Думаю — значит, тут контрреволюция. Надо его забрать в ЧЕКу, да допросить «как следует». Зорко я стоял на страже революции. Просидел он у меня ночь. Ни в контрреволюции, ни в какой спекуляции, ни в саботаже никак не сознается, говорит: «Я честный труженик, и только».

Наутро приходит ко мне в ЧЕКу старуха и, кланяясь в пояс, говорит: «Добрый человек, помоги мне Христа ради разыскать мово сына Ивана. Один он у меня кормилец. Пропадать мне без него старухе придется. А он у меня такой, что букашки не обидит, и всегда с молитвой, что бы ни делал. Так уж нас батюшка, отец Иван, научил. Проведала я, что ты все знаешь по городу, вот и пришла докучать тебе. Коли знаешь, сделай Божескую милость! Век буду за тебя Бога молить!»

Думаю я: «Очень мне нужен твой Бог да Христос». А в это самое время как раз и его самого ко мне в кабинет привели, как водится, со следами побоев. Старуха как увидела его, как заголосит, да прямо ему на шею: «Родимый ты мой, что с тобой сделали! За что это так? В чем ты провинился?» А он, тоже всхлипывая, отвечает: «Знать так уж Богу угодно, на все Его святая воля, матушка. Молись за меня, вот и все».

От него старуха бултых мне прямо в ноги: «Отпусти его, сударик, ну что он кому худого сделал, сказываю, букашки не обидит». А я гаркнул на нее, притопнув ногой: «Убирайся вон, старая! Если мы будем каждого отпускать, вы нам такую контрреволюцию разведете!» А она, стоя на коленях, подняла кверху руки, да как вскрикнет, что есть мочи: «Батюшка, отец Иван, ты нас поставил на ноги, ты теперь спаси мне и сына мово!» А я ей отвечаю: «Ори себе сколько хочешь, услышит тебя твой отец Иван! Отправлю вот я твоего Ивана к Кузьке на допрос, тот пропишет ему отца Ивана!»

Тут ее выволокли из моего кабинета. А я отправил ее сына к Кузьке Журьбе на допрос. Этот Кузька - матрос с нашего же корабля «Алмаз». Очень уж он был мастер по части допросов. Кровожаден был, прямо страх. Был он великан-богатырь, как вот в старину бывали, и был главарем карательного «чрезвычайного» отряда, в котором были только чужестранцы: латыши и всякая такая погань. Признаться, я и сам побаивался его. Очень уж он был предан делу революции и беспощаден. Матери родной не пожалет.

Через день приходит ко мне этот самый Журьба, да и говорит, матерясь: «Что ты, словно какую-то важность, прислал ко мне этого самого дурака, Ивана Евстафьева, у которого кроме Бога да попа Ивана Кронштадтского нет ничего в голове. Была охота тратить время на разговоры с ним. Я так думаю, что такие дураки нам еще и нужны.

Нам в нашем строительстве нужно много рабочей силы. А он, таки-да, работник. Его Бог заставляет его честно относиться к своему труду, а это нам теперь очень важно! В награду за его набожность выжгли мы ему маленький крестик на груди, пусть считает себя Христовым мучеником, да и выпроводили вон. Дал еще я ему за своей подписью, что был-де арестован по недоразумению».

Ничего я ему на это не сказал. Но в думке у меня было: что-то тут не то, неспроста все это. Какого отца Ивана звала у меня в кабинете старуха? Не Ивана ли нашего Кронштадтского? Хоть сам и думаю: мне все равно, кого бы ни призывала, а я должен помнить свое дело, однако как будто сердце перевернулось у меня в груди. Неспроста это. Чтобы Кузька так просто отпустил, да еще дал такую бумажку. Ну, да живы будем — увидим.

Наутро прохожу я мимо Андреевского собора, в котором когда-то служил теперь уж, почитай, больше десяти лет, как покойник, отец Иван Кронштадтский, и вдруг вижу, стоит у самого входа в собор старенький священник и так пристально вглядывается в меня, что мне как-то даже неловко стало. Ну, словно, вот узнает меня, или мои думы читает. Случилось это раз, случилось другой, третий... Думаю, что ему надо здесь? Всегда маячит передо мной. Ареста захотел?

А он, как на зло, и обращается ко мне: «Зайди, человеке, в дом Божий, не бегай сего святого места. Ведайте все вы, ищущие какой-то свободы — Истинную свободу и Правду можно только здесь обрести. Свобода есть неотъемлемая черта только образа Божия. Она не нуждается ни в каких насилиях, ни в каких арестах!» Думаю — вот куда гнет поп. Хотел я подойти к нему, да вдруг дума явилась: «Не стоит связываться со стариком-фанатиком, все равно их время приходит к концу».

Несколько раз я оглядывался, чтобы приметить, куда он пойдет, но так и не доглядел, куда он скрылся. Но вот что стало меня интриговать и бесить: после каждой встречи с ним стал я находить у себя в кармане записки с молитвами, да не рукой писаны, а печатаны, и такая хорошая печать. Мерекаю, — опять дело мне! Надо разыскивать, где же они печатаются, и ликвидировать это безобразие. И вдруг у меня птицей мимолетной пронеслась в голове мысль: «Там ли мы ищем правду-то? Несет ли людям благо и истину коммунизм?» Но я не сдаюсь, а только усерднее принимаюсь за искоренение всякой контрреволюции. Никакой пощады никому, кто осмеливался осуждать наши революционные порядки. Буржуи, попы, офицеры... всех под метелку.

Вскоре мне пришлось отправить «к праотцам в рай» группу смертников из одиннадцати человек, три попа и восемь человек буржуев и разных чиновников, которые, по нашему подозрению, могли быть помехой нашему новому строительству, а попов за их проповеди. Евангелие, по-нашему, было что ни на есть самая злая антикоммунистическая контрреволюция. Загнал я, значит, их всех на платформу грузовика, а сам вожусь около машины, что-то у меня закапризничала и не заводилась...

Вдруг, на тебе! Вижу — и этот поп, которого я несколько раз встречал у Андреевского собора, откуда ни возьмись, явился около машины. А я был зол, как все сто чертей, и на себя, и на все, и на всех, ну вот сам себе не рад был, всех, казалось бы, разорвал в клочки. И тут я решил всю свою злобу излить на него. Кричу на него: «И ты, мухортый поп, пришел сюда? Чего тебе здесь надо? Хочешь и сам с ними отправиться той же дорогой, так милости просим, шесть граммов свинца и для тебя

найдется!»

А он отвечает мне: «Да я вот пришел напутствовать моих братьев во Христе». Что тебе отвечу на твои слова. Не прочь бы и я поехать с ними, только думаю, — твоя машина не довезет нас до того места, куда ты хочешь...

«Я в ярости, как перышко швырнул его на платформу грузовика», — указывая глазами на свои богатырские мускулы, проговорил матрос, и с любопытством смотрю, как он встретится со всеми смертниками. Осенив крестом всех, находящихся в грузовике, он направляется к трем священникам, читавшим себе отходные молитвы, и приветствует их словами: «Мир вам, возлюбленные братья о Господе! Блаженны непорочные, в путь ходящие в законе Господнем».

«Мир и тебе, отче! Откуда, как и почему ты попал сюда к нам? — Нас ведь на смерть влекут. Мы отходную себе читаем». Он опять всех перекрестил по-священнически и говорит: «Господь управляет всеми путями человеческими. Без Его воли и волос с головы вашей не упадет».

Удивляется его развязности, слушает да регочет мой Вася, матрос с нашего же корабля, мой сотрудник по ЧЕКа, которому захотелось поупражняться в стрельбе по смертникам.

Наконец, загудела и тронулась моя машина. А поп перекрестился и, оборотившись к смертникам, говорит: «Печальни есте! Дерзайте! Уповайте на Господа! Печаль ваша в радость будет! Только потом все отслужите благодарственный молебен у Спаса на крови Спасителю, Матери Божией и преподобному Иоанну Рыльскому. Да подобает причаститься Святых Тайн. А то многие из вас давно уже не принимали этой животворящей Святыни».

«Товарищ Силаев, не заткнуть ли попу глотку штыком? Что он тут свою поповщину разводит», — кричит мне Вася.

Говорю: «Оставь его, пускай напоследки поупражняется в своем красноречии».

Все как-то с удивлением поглядели на священника: что, мол, он говорит, когда нас на расстрел везут. Должно быть сам он от переживаний потерял рассудок. А он и отвечает им на эту мысль: «Не думайте, что я потерял рассудок, а вижу десницу Божию и дивлюсь силе ее».

Гроыхая, быстро идет машина. Выкатили за город. Верст восемь нужно было проехать до леса, за которым овраг — место трупной свалки. Этот священник все время читает молитву «Живый в помощи...» Закончит и снова начинает. Потом вдруг, подняв руки к небу, громко, как бы вскрикнул: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!..» В этот момент, чувствую я, — перед машины как-то осел и она пошла тяжелее. Вижу, соскочили обе передние шины, так и распластались по земле. Вот тебе и раз. Зубами заскрежетал я от ярости. Все одно, думаю, поеду без них, авось не завязну. А у самого мороз по коже пошел, словно мне на голую спину льда наложили, и какое-то непонятное сумление и робость стали нападать на меня; сделалось как-то не по себе. Но я продолжаю гнать машину, хоть и чувствую, что у меня в уме две какие-то силы дерутся. Вдруг соскакивают обе задние шины и глохнет магнето. Ну, колеса-то еще так-сяк, а вот без магнето-то уж никак не поедешь. Поковырялся, поковырялся я в нем, ничего не мог сделать, магниты начисто размагнитились. Сам я и говорю с собой: «Размагнитились магниты, немыслимая вещь! Что бы это значило? Вот так штука, вот и предсказание поповское, что машина не довезет нас... Что же теперь осталось делать?» Кричу:

«Слезайте все!» Послазили. Сбились все в кучу около священников. А меня всего начинает трясти, как в лихорадке, сам не могу понять, что делается со мной. Глянул я на этого батю, и почудилось мне, что свет у него из головы выходит. Думаю, не то я с ума схожу! Слышу страшный голос: ты изменник, не исполнил своей революционной задачи! Смерть тебе! Набрался я смелости, подхожу к этому священнику и говорю: «Ну, батя, предсказание твое сбылось, моя машина, как есть не довезла тебя. Теперь говори, что мы должны делать? Чем все это наше сегодняшнее приключение кончится?» А он отвечает мне: «Кончится тем, чем должно было кончиться — избавлением людей от напрасной смерти и спасением грешника».

Смотрю я на него, хочу понять, что значат его слова, и вижу, — глаза его мечут светлые лучи, которые устремляются прямо в меня, пронизывают всего меня, так что мне как-то и страшно и хорошо стало, и я прищурил глаза. Он же говорит мне: «Свет узрел? Не бойся, человеке. Свет Христов прощает всех! Вот я и принес тебе Света Христова».

В это время думы бушевали в моей голове. Так он словно прочел их все и начал отвечать мне на них.

«Ты теперь в недоумении, что тебе делать? Как поступить? Страх объял тебя! Сказано в Писании: «Тамо убояшася страх идеже не бе страх». И здесь нет никакого страха. Твой приятель Вася не будет видеть и не будет говорить недели три. Когда этот срок исполнится, ты отведешь его в одну «лечебницу», которая вернет ему и язык, и зрение. Об ней ты узнаешь после. А тот Кузьма, о котором ты сейчас думаешь, сам тоже будет призван служить России — Дому Пресвятой Богородицы, искупить свой тяжкий грех отступничества и измены России и кончит мучеником за нее. На костях вот таких мучеников, помни, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая, — по старому образцу, крепкая своею верою в Христа Бога и в Святую Троицу, будет по завету св. Владимира — как единая Церковь. Перестали понимать русские люди, что такое Русь: она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский. «А теперь бросайте вашу машину и, не задерживаясь долго здесь, с Богом все идите своею дорогой. А я пойду своей».

Благословив всех, он ушел от нас отдельной дорогой, которая пересекала нашу, но, отойдя каких-нибудь шагов двести, вдруг исчез, стал невидим, как будто его и не было.

Тут один из группы смертников осмелел вдруг и говорит: «Чудо чудное, диво дивное, да ведь это сам отец Иоанн был, понимаете? Сам отец Иоанн Кронштадтский являлся нам!»

«Сейчас мы вам вот пропишем отца Иоанна Кронштадтского, — рявкнул молодой богатырь матрос, которого Силаев называл Васей. — Прошло время всяких ваших Кронштадтских!»

«Не горячись, Вася, — спокойно ему заметил я. — Должно быть сегодня такая планида милосердная нашла. Ну и пускай».

Все обернулись в ту сторону, куда ушел священник, но на дороге никого не было видно. У меня, как говорится, зайчики запрыгали в голове. Не отдавая себе отчета в том, что происходит с нами, я под свою думу шепчу сам с собой: «Что же теперь делать со всей этой компанией?» А Вася и отвечает мне: «Было над чем задумываться. Прикончить всех тут, чего с ними валандаться! А завтра утром пораньше прислать каторжан, закопают эту падаль, вот и делу конец, и пускай идут к своему

Кронштадтскому».

Только он это проговорил, как у него стало мутиться в глазах, и он открытыми глазами перестал видеть. Только успел объяснить мне, что как будто каким туманом вокруг начало застилать его глаза, который все сгущался и сгущался, покамест не скрыл от него все. На этом рассказ и речь его оборвались: он больше не мог выговорить ни слова. Высунув язык, он показал на него пальцем и знаками дал понять, что язык его перестал действовать. Слышал он нормально. Зарыдал мой Вася в отчаянии. И начал приставать ко мне, чтобы я убил его на месте. А я говорю ему: «Подожди унывать особенно, знамо, плохо быть слепому и немому, а кто его знает, что все это значит, что сейчас с нами случилось. Ты сам слышал, как этот священник сказал тебе сейчас, что ты не будешь видеть и говорить недели три — сразу сбылось, значит, может сбыться и то, что через три недели все пройдет». Я стараюсь его урезонивать, а у самого мурашки начинают по спине бегать... Слышу я: два голоса во мне явственно говорят, один упрекает меня за то, что я расслабел и говорит: «Дурак, дурак, изменник!» А другой спокойно, тихо говорит мне: «Вниди в разум спасения и спасешься сам и другие спасутся с тобою». И вдруг откуда-то у меня, кровожадины, явилась мысль, что и этих людей со священниками убивать совсем не за что. И я, наперекор тому злому голосу, решил их отпустить. Были при мне бланки ЧЕКа в кармане, я всегда их с собой таскал, как верный страж революции. Всем я наскоро, за своей подписью, а она имела тогда большую силу, выдал пропуска, чтобы не могли их задержать в городе, когда разойдемся в разные стороны, и до города все мы тронулись вместе. И Вася шел, держась за меня.

Дорогою вся группа чудесно освобожденных смертников обращается ко мне: «А вы уж, служивый, завтра позвольте нам всем вместе отслужить в церкви у Спаса на крови благодарственный молебен, как сказал чудесно явившийся нам отец Иоанн Кронштадтский». Говорю: «Выполняйте все, что вам заповедал он, никто вам никаких препятствий чинить не будет. Да я и сам думаю прийти на этот молебен». Взяли мы один послеобеденный час и, идя по городу, все стали расходиться в разные стороны. Васю я решил не оставлять в Петрограде, а отправить на свою кронштадтскую квартиру, где всегда сам ночевал, имея намерение, по возможности, все скрыть от своих революционных товарищей.

Возня с Васей мне выдалась очень нелегкая. Он стал нервен, капризен. Да и во мне самом та внутренняя борьба, о которой я сказывал, все не улеглась. И особенно остро дала она себя почувствовать, когда я вошел в церковь, и не хотела оставлять меня, так и тянуло из храма. Но все-таки пересилил, выстоял всю службу. После службы все остались на исповедь, а я думаю, а мне что делать? Тоже идти на исповедь? Было ли это так на самом деле или мне только показалось, но священник был ко мне внимательнее, чем ко всем другим. Не забуду его слов: «Храм Божий открывает двери в царство Небесное, гряди, гряди, человеце, небеса радуются всякому кающемуся грешнику. Поэтому сатана ныне так и ополчился на храм Божий, что он у него отнимает его стяжание».

«Ей, — говорю, — страшно стать стяжанием сатаны». «Это ты, я думаю, сам ощущаешь, еще будучи жив, как он у тебя отнял мир душевный. А что будет по смерти, когда он будет твоим полновластным владыкой? Теперь сатана получил на земле полную свободу, потому что взялся от земли Удерживающий, со всею семьею, но в их-то невинной крови и захлебнется сатана. Каяться нам надо, плакать о

бесчисленных грехах своих. Приснопамятный батюшка, отец Иоанн Кронштадтский, который явился вам вчера, как живой, еще живя на земле, звал к покаянию русский народ, видя надвигающуюся на нашу Русь грозу. И ныне, недаром он явился вам, как живой, в этом надо видеть особую милость Божию, он не иначе, как исполнял веление Промысла о всех вас».

Но меня он исповедовать не стал, а отослал в один монастырь, где в маленькой церковке стоит гробница отца Иоанна, сказав, что мне надлежит исповедоваться там. Но только, мол, особенно не медли с этим. И я дня через три, помню, утром отправился туда. Встретил меня на вид старенький священник, который уже знал, что я должен прийти: наверное те предупредили его. А то человек мог еще и испугаться меня. Встретил он меня вопросом: «Что тебя, чадо, привело сюда?» Я рассказал ему все без утайки, кто я и что я. Да меня и так весь Петроград знал по ЧЕКа. Рассказал ему встречи мои с каким-то странным священником у Андреевского собора в Кронштадте, историю со смертниками и с автомобилем, и с Васей, рассказал и о том, что нарисован у меня татуировкой сатана на груди. Ничего не утаил. Выслушал он меня внимательно и говорит: «Господь взыскал тебя Своею милостью через праведника Своего, отца Иоанна, для того, должно быть, чтобы сделать тебя каким-то орудием Своего Промысла в нынешних тяжких судьбах России. Не этот ли священник являлся вам, спросил он, показывая мне небольшой портрет отца Ивана Кронштадтского?» «Да, да, он самый, — говорю. — Только как же он мог ходить и говорить, как живой человек, когда он давно уже на том свете?» Тут он объяснил мне, что значит жить в Боге и умереть во Христе. Но исповедовать он меня сразу не стал, а налил в пузыречек из лампадки, что горит над гробницей отца Ивана, масла и сказал, чтобы я им натирал грудь три раза в день, утром, в полдень и вечером, а сам в это время читал молитву «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...» Сатанинская татуировка должна сойти, и тогда, мол, уже приходи на исповедь и к причастию Святых Тайн. И начал я натирать себе грудь, расписанную изображением сатаны. Натрешь бывало — сил нет терпеть, как огнем жжет, зубами скрежещешь от боли. Но я повинуюсь и натираю, читая молитву, данную мне. «Тако да погибнут беси от лица любящих Бога, знаменующихся крестным знамением и в веселии глаголющих: радуйся пречестный и животворящий Кресте Господень, прогоняя бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго, и поправшаго силу дьяволю и даровавшаго нам тебе Крест Свой честный, на прогнание всякаго супостата...» Через три дня это богомерзкое изображение сошло у меня с груди, но, как видите, место, где оно было, осталось как огнем выжжено. (Он показал свою грудь.) Это тоже чудо. Татуировка ведь не сходит. И думаю я — это тайна, над которой я должен думать всю жизнь. Должен сказать, как только сошло с меня это изображение сатаны, я словно другим человеком стал, и ум как будто прояснился, и на сердце легче стало, и мягче, добрее стало оно. Значит, думаю, плохая дружба с сатаной, лучше ее не водить. И как только сошло у меня на груди это изображение, пошел я ко гробу великого русского чудотворца, великого печальника за землю Русскую и радетеля о спасении человека, отца Ивана Кронштадтского, на исповедь, чтобы, очистив свою совесть, в кои годы, причаститься Святых Тайн. А священник после исповеди сказал мне: «Когда причастишься этой Святыни, сам поймешь и почувствуешь, что значит: Тело Христово примите, Источника бессмертнаго вкусите. Достойное причащение приносит полное

перерождение человека». И вот я - переродился... Понял я, какое великое сокровище отняла у нас эта революция, и почувствовал в себе призвание идти и обретать это сокровище...

А насчет Васи этот батюшка мне сказал, чтобы, когда исполнится срок, сказанный отцом Иоанном, я привел бы его к нему же.

Как же во мне шло это перерождение? В первую же ночь после причастия видел я страшный сон. Вышел я на огромную поляну, которой конца-края нет. Сверху ярче солнечного, льется свет, на который нет мочи взглянуть. Но этот свет не доходит до земли, и она как будто вся окутана не то туманом, не то дымом. Вдруг в небесах раздалось пение, да такое стройное, умиленное: «Святой Боже, Снятый крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас!» Несколько раз повторилось оно. И вот вся поляна заполнилась людьми в каких-то особых одеяниях. Впереди всех был наш Государь-мученик, в царской порфире и в короне, держа в руках чашу, до краев наполненную кровью. Справа, рядом с ним — прекрасный отрок, Наследник Цесаревич, в мундирчике, тоже с чашей крови в руках. А сзади них на коленях вся умученная царская семья в белых одеждах, и у всех в руках по чаше крови. Впереди Государя и Наследника, на коленях, воздев руки к небесному сиянию, стоит и горячо молится отец Иоанн Кронштадтский, обращаясь к Господу Богу, словно к существу живому, словно он видит Его, — за Россию, погрязшую в нечестии.

От этой молитвы меня в пот бросило: «Владыко Всесвятый! Виждь кровь сию невинную, услыши стенания верных чад Твоих, иже не погубиша таланта Твоего, и сотвори по великому милосердию Твоему, ныне павшему, избранному народу Твоему! Не лиши его Твоего святого избранничества, но возстави ему разум спасения, похищенный у него по простоте его «мудрыми века сего», да, поднявшись из глубины падения и на крылах духовных воспаряя в горнее, прославить во вселенной Имя Твое пресвятое. Верные мученики молят Тя, принося Тебе в жертву кровь свою! Приими ее во очищение беззаконий вольных и невольных народа Твоего. Прости и помилуй!»

После этого Государь поднимает чашу с кровью и говорит: «Владыко, Царю царствующих и Господь господствующих! — приими кровь мою и моей семьи во очищение всех вольных и невольных прегрешений народа моего, Тобою мне вверенного, и возведи его из глубины падения нынешняго. Вем Правосудие Твое. Но и безграничную милость Благоутробия Твоего! Вся прости и милостиво помилуй и спаси Россию!»

За ним, простирая вверх свою чашу, детским голосом заговорил чистый отрок-Царевич: «Боже, воззри на погибающий народ Твой и простри ему руку избавления. Боже всемилостивый, приими и мою чистую кровь во спасение невинных детей, на земле нашей развращаемых и гибнущих, и слезы мои за них приими!..»

И зарыдал мальчик, расплескивая свою кровь из чаши на землю... И вдруг, все множество народа, опускаясь на колени и воздевая свои чаши к небу, в один голос начало молить:

«Боже! Судия Праведный, но добрый, милующий Отец! Приими кровь нашу в омовение всех скверн, содеваемых на земле нашей, и в разуме, и в неразумии, ибо како может творить человек неразумная в разуме сущи! И по молитвам святых Твоих, в земле нашей, милостию Твоею просиявших, верни народу Твоему избранному, в сети сатанинския впадшему, разум спасения, да расторгнет он эти сети губительный, не

отвратися от него до конца, и не лиши его Твоего великаго избранничества, да возставь из глубины падения своего, во всей вселенной прославить великолепное Имя Твое и верно послужить Тебе до конца веков!» И вновь на небе, трогательнее прежнего, раздалось пение: «Святый Боже!..»

Я чувствую, у меня по спине словно мурашки бегают, а проснуться не могу. И слышу напоследки — по всему небу пронеслось торжественное пение: «Славно бо прославися», неумолкаемо перекатывающееся от одного края неба до другого. Поляна в миг опустела и стала, как будто совсем другой. Множество церквей вижу и такой прекрасный колокольный перезвон разливается! Душа возрадовалась. Подходит ко мне Отец Иоанн наш Кронштадтский и говорит: «Божье Солнышко возшло над Россией снова! Смотри, как оно играет и радуется... Теперь великая Пасха на Руси. Там Христос воскрес! Ныне все силы небесные радуются. И ты после раскаяния своего от девятого часа потрудился — примешь мзду свою от Бога».

Проснулся я в великой радости, но и каким-то страхом одержимый, а на душе только пасхальная молитва была. И кто-то говорил мне: «Теперь удались от зла и сотвори благо!» И вот у меня созрело окончательно решение: как только Вася поправится и тоже выберется из этой смрадной ямы сатанинской, уходить в народ, чтобы поднимать его против коммунистов — за Россию. До самой смерти служить Богу и Родине! А сговориться с мужиком, как я сам из мужиков, мне будет не трудно. Взял я себе небольшой портретик батюшки, отца Иоанна Кронштадтского, зашил себе в куртку, чтобы у меня его никто не нашел, чтоб всегда он был со мною. Стал я понимать, как низко пал я, но верилось, что с ним я и поднимусь. Поможет он мне искупить мою прежнюю вину перед Богом и Родиной.

С нетерпением начал я отсчитывать дни, когда исполнится срок, назначенный Васе, чтобы он опять стал говорить и видеть, да и мне бы руки развязал. А когда с нетерпением ждешь, время особенно долго тянется. Оставалось еще, по моему расчету, дней десять. У Васи я бывал, как и должно было, каждый день. Много говорил я с ним. Но напевал ему уже не из революционной оперы. Сначала он злился, скрежетал зубами, но потихоньку становился спокойнее, вдумчивее... Стал внимательнее слушать меня, и только иногда делал гримасы в знак того, что ничего не может ответить. И только раз, придя в исступление, схватил клочок бумаги и нацарапал карандашом: «Много бы я мог рассказать, если бы говорить мог». Вижу, на лице у него появилась какая-то печаль. Думаю: «Дал бы Бог к лучшему». А видно, много переживал парень. Но вот, наконец, и три недели прошло. Сначала я сам пошел поговорить с тем священником, у которого я исповедовался. Он назначил мне наутро привести его в ту же церковь. С вечера я объявил Васе, что завтра утром мы должны будем пойти в «лечебницу», как сказал тогда тот таинственный священник. Вася только кивнул в знак согласия. А и я стал научивать его: "А ты ночью читай больше молитву: «Господи, помилуй мя грешнаго»". И на это он кивком дал согласие. За эти три недели он исхудал, изменился. Пошли мы с ним пораньше, так мне казалось будет лучше. Когда мы подошли уже к самой церкви, Вася вдруг точно спохватился и не хотел идти. Тут я припугнул его, сказав ему:

«Тогда ты останешься на всю жизнь слепой и немой». Он спокойно вошел со мной в церковь. Священник уже ждал нас. У самой гробницы отца Иоанна заставил он Васю наклонить голову, и, положив на нее книжку, долго читал одну молитву. Потом, сняв

одну лампадку у гробницы и велел ему высунуть язык, три раза накрест помазал ему маслом, тоже говоря молитву, затем так же помазал оба глаза, говоря: «По молитвам праведного отца Иоанна исцеляет тебя Господь Бог, раб Божий Василий!» И у него сразу открылись глаза. Он в удивлении начал оглядываться кругом, и вдруг в недоумении спрашивает: «Что случилось со мной?» Это были его первые слова. Священник опять, положив ему на голову книгу, стал читать молитву. А потом говорит: «Открой грудь!» И когда он открыл грудь, я прямо испугался: так у него ярко выделялся на груди сатана, и злым-презлым казался. Священник покачал головой. И, говоря: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», три раза окропил грудь Святой Водой, стоявшей на гробнице. И вот тут меня взяло такое удивление и страх! Изображение сатаны сразу исчезло. Как потом Вася рассказывал, это было так болезненно, словно кожу отдирали от тела. Поглядел мой Вася на очистившуюся грудь, оглянулся кругом, по-детски улыбаясь, потом склонился на плечо священника и разрыдался, как дитя малое. Наверно от радости, что к нему вернулось зрение и язык. Батюшка сразу исповедовал его и причастил Святых Тайн. Отпуская, он напутствовал нас: «Христос да будет с вами, и вы не отступайте от Него. Теперь идите тем путем, который укажет вам Христос через угодника Своего, праведного отца Иоанна, через которого он разыскал вас. Несите терпеливо, с покорностью бремя Его, и мир будет в душах ваших! Идите с миром!»

Первое время от радости Вася не мог наговориться и много рассказал интересного. Кое-что перескажу, как помню. Вижу, говорит, раз во сне громадный меч на небе, обращенный острием к земле, и голос был слышен с неба: «Пошлю меч Мой на землю и истребит он всех сынов беззакония!» Там, откуда шел он, слышались плач и стоны. Тот священник, который тогда явился нам и наш автомобиль рассыпался, говорит мне: «Человечество, отвортившееся от Бога и от Христа Его, само себе кует меч для своего же наказания. Всегда надо помнить, что всякий грех, всякое преступление в самом себе несет и наказание. Христос всегда зовет нас к себе. Пойдем за Ним, и всегда на душе у нас и среди нас будет мир и благодать». И еще рассказывал Вася, как он видел среди широкого поля одну прекрасную девушку с венком из красивых, красивых цветов на голове и с Крестом в руке. Вдруг красный Змей с головой дьявола, обвинил ее и старался выбить из рук ее Крест. И рои бесов кружатся над ней... Сколько времени длилось это видение, я не знаю, сказывал Вася. Только когда я увидел ее, она была молодой, красавицей, а потом стала дряхлой, изможденной, но свой Крест все-таки держала в дрожащих руках... Вдруг, откуда ни возьмись, два воина-богатыря на конях-великанах, закованные все в броню. Змей в злобе повернул на них свою голову, но один конь передними копытами ступил на него, а всадник пронзил его своим копьем, на конце которого был Крест. Змей растянулся мертвый, а освобожденная девушка быстро превратилась в ту же цветущую, сияющую красавицу, победно поднимая Крест над головой. И тут явился, говорит, ко мне тот священник и объяснил:

«Эта красивая жена с крестом — Мироносица Христова — наша Россия. Сатана в образе змея обвинил ее и хотел вырвать у ней Крест — символ спасения нашего. Сдавленная им, она дошла до последнего изнеможения, но креста не выпустила из рук, и вот явились два небесных воина, поразили этого змея и освободили ее. И она снова, как прекрасная Магдалина, последовала за своим Христом». А еще один раз, рассказывал он, с высоты полетел я в какую-то пропасть. Говорит: лечу, лечу и дна ей

нет, а внизу — темно, страшно. И какой-то дьявольский хохот доносится снизу: «Лети, лети к нам, мы ждем тебя». Вдруг и сверху слышу, кто-то кричит мне: «Поднимайся вверх!» А меня все тянет вниз, я и голоса подать не могу. Один, другой, третий раз, говорит, позвал меня вверх, и чувствую я, что остановился, уже не лечу вниз, а начинаю по чуточке подниматься вверх. И когда я уже поднялся до самой поверхности, меня принял сам отец Иоанн и только сказал: «Поднялся с помощью Божией, больше не падай. Помни — есть Свет истинный, который просвещает и освящает всякого человека, это Свет Христов. Будешь ходить во Свете Христове, никогда не упадешь в такую бездну».

Так нас отец Иоанн Кронштадтский вытащил обоих из бездны на свет Божий, и указал нам Христов — Русский маяк, на который нам следует брать свое направление.

Скажу я по своему мужицкому разумению: «Луч маяка Христова каждому указывает путь по его силе». Я, прозрев, решил идти выворачивать с русской дороги камень революции, на котором я сам споткнулся. Это магический камень, притягивающий. Сам дьявол бросил его на Русской Дороге. И если он останется и дальше лежать на ней, многие будут спотыкаться об него. Понял я теперь, что наша, русская, дорога особняком пролегает от всех других дорог. Мешать нам дороги — не след! Опять скажу, - отец Иван Кронштадтский говорил: «Держись, Россия, твердо веры твоей и Церкви и Царя Православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия, и не хочешь лишиться царства и Царя Православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, — то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга». Все это так и сбылось.

Теперь нам надо каяться да просить Господа, особенно через угодника Его, отца Ивана Кронштадтского, так как он ближе всех к нам, чтобы он послал нам, русским Русской, своей силы, выбраться из этой ямы. А мой Вася, прозрев, сказал, что он чувствует себя слишком грязным, чтобы браться за святое дело, и скрылся куда-то в монастырь. Ну и Бог ему помогай замаливать свои грехи, да и наши вместе. Что же касается до предсказания чудесно явившегося отца Иоанна на пути «смертников» о судьбе матроса Журьбы, упоминаемого в рассказе Силаева, то пишущему эти строки известно, что они сбылись полностью.

**Из книги «Пророчества о последнем времени и судьбе русского народа»
Издательство «Ророгъ» г.Москва 1998 год
Издание осуществлено по заказу Никольского Скита Псковской Епархии. Составитель игумен
Роман (Загребнев).**